

Департамент культуры Ярославской области

Государственное учреждение культуры
Ярославской области

«Областная юношеская библиотека имени А.А. Суркова»

Отдел психологической поддержки молодежи

*Пространство ребенка
и его место в пространстве семьи*

Часть 3

Я не вижу солнце

*методические рекомендации для
проведения занятий с молодыми родителями*

*Ярославль
2016*

ББК 78.303 + 88.8

П 82

Пространство ребенка и его место в пространстве семьи.
Часть 3. Я не вижу солнце. Методические рекомендации для проведения занятий с молодыми родителями / сост. Н.Г. Хрусталева; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова; ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», отдел психологической поддержки молодежи. – Ярославль, 2016. – 24 с.

© ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», 2016

К читателю

Данное методическое пособие из серии «*Пространство ребенка и его место в пространстве семьи*» посвящено теме воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья.

Когда рождается такой ребенок, это большое испытание для родителей. Главное для них – занять активную позицию и сделать все для того, чтобы ребенок овладел всеми возможными для него умениями и навыками самостоятельной жизни. И что самое важное – чтобы он нашел свое место в обществе, реализовал себя, стал полезным для людей.

Для раскрытия заявленной темы мы используем *библиопсихологический подход*, как и в предыдущих методических пособиях из этой серии («Родительская жестокость» и «Родительская любовь»). В центре нашего внимания будет повесть классика русской литературы В.Г. Короленко «*Слепой музыкант*», написанная в 1886 году. Главный герой повести Петр родился слепым, однако, благодаря близким людям, ему удалось стать талантливым музыкантом. Это был трудный путь и для его семьи, и для него самого, но они прошли его вместе. Рассмотрим этот путь, обратив более пристальное внимание на детство мальчика.

Пособие предназначено для проведения занятий с молодыми родителями.

Семья слепого ребенка, какая она?

Рождение ребенка — важное и ответственное событие в жизни каждой семьи. Но иногда оно становится трагедией для семьи. Это происходит, когда у новорожденного обнаруживается тяжелый физический дефект, например, слепота или слабовидение. Рождение такого ребенка, как правило, является неожиданным для семьи, не приносит матери облегчения, которого она ждет к концу беременности. Наоборот, наступает период неопределенности и тревоги, необходимость приспособления к такому ребенку. Родители задают вопросы и прежде всего себе: «Почему именно у нас родился такой ребенок?», переживают чувство несправедливости, замыкаются в своих тягостных переживаниях.

Одновременно возникают вопросы, от решения которых зависит дальнейшая судьба ребенка: «Как может человек без зрения жить в мире зрячих?», «Можно ли восстановить зрение моему сыну или дочке?», «Будет ли наш ребенок веселым, научится ли он играть, бегать?», «Можно ли нашего ребенка обучить и воспитать, как других детей?» и «Можно ли его развить физически и психически так, чтобы он стал самостоятельной личностью?»

На последние три жизненно важных вопроса можно сразу ответить «да!». Слепой ребенок может стать веселым и подвижным, получить образование, овладеть профессией, которая принесет ему материальную независимость и самостоятельность. И решающая роль в этом, особенно в ранний период жизни слепого (или слабовидящего) ребенка, принадлежит семье.

Первые три года жизни ребенка — это период, когда формируется «фундамент» его личности, устанавливается тесная связь между ним и матерью, другими взрослыми членами семьи, которые стимулируют его развитие. Через общение со взрослыми ребенок постигает опыт старших

поколений, усваивает навыки познавательной деятельности, которые с трудом постигаются в более поздний период. Особенно важны годы раннего детства для ребенка со зрительным дефектом. Он должен *приспособиться к познанию мира без зрительного контроля*. Это очень трудная задача, и слепой ребенок не может с ней справиться сам. Уже с первых месяцев жизни он должен иметь постоянную и систематическую помощь со стороны родителей.

Горе родителей, связанное с рождением ребенка со зрительным дефектом, по-разному влияет на его положение в семье, отношение к нему других членов семьи.

Многие родители убеждены, что, поскольку их ребенок не видит или видит очень плохо, его надо постоянно охранять, оберегать от ушибов и всех случайностей, которые могут возникнуть. Родители и близкие родственники не позволяют малышу самостоятельно ползать и ходить, брать в руки предметы и манипулировать ими, вместо того чтобы научить ребенка активно использовать осязание, слух и другие сохранные органы чувств во всех видах познавательной деятельности.

В таких семьях мать, отец, бабушка или дедушка стремятся выполнить за ребенка все, даже те действия, которые вполне ему доступны. Малыш постоянно слышит: «Ой, осторожно!», «Мамочка тебе подаст, сделает сама» и т. д. Через какой-то промежуток времени малыш убеждается в том, что окружающий мир является чем-то страшным и опасным. Мама довольна, когда он тихо сидит в кроватке или манеже и качается из стороны в сторону. Любое его желание мгновенно выполняется окружающими. Свою роль родители этой группы видят в «служении несчастному ребенку», а затем и подростку, и взрослому. Такая позиция значительно осложняет развитие ребенка, обуславливает формирование отрицательных качеств личности (эгоцентризм, апатичность, безволие), не способствует воспитанию у него познавательной активности, самостоятельности.

Другая группа родителей негативно относится к слепому малышу. Они стесняются и даже стыдятся своего ребенка, стараются скрыть его дефект от окружающих. В результате усугубляется изоляция ребенка от мира нормально видящих людей. Часто родители обвиняют себя или друг друга в рождении ребенка с тяжелыми физическими недостатками и несчастными считают себя, а не ребенка. Они лишают его своей любви и заботы, искусственно изолируют от других детей и близких. Свою задачу видят лишь в том, чтобы обеспечить ребенку необходимую помощь для поддержания жизни, не верят в его возможность стать развитой личностью.

Неподготовленность родителей всем предыдущим опытом жизни к воспитанию слепого ребенка приводит к тому, что большинство из них воспринимают зрительный дефект малыша односторонне, как болезнь. Это правильно лишь отчасти. Если исходить из того, что зрительный дефект — это болезнь, то приходится признать, что главная задача родителей состоит в «лечении» болезни ребенка.

И некоторые из них тратят годы на то, чтобы, надеясь на чудеса медицины и экстрасенсов, «вернуть» ребенку несуществующее зрение. Упускается благоприятный возрастной период в развитии слепого малыша, для которого слепота — состояние, а не болезнь.

Встречается и третья группа родителей, которая не признает факта тяжелого зрительного дефекта ребенка. Они готовы поверить тому, что зрительный дефект автоматически стимулирует интеллектуальную и речевую деятельность, музыкальные способности. Свою задачу родители видят в создании условий и предпосылок для одностороннего развития психических процессов и способностей.

Уровень притязаний родителей этой группы не соответствует уровню возможностей их детей. В результате на определенном этапе жизни (как правило, в подростковом возрасте) у незрячих детей возникают стрессовые ситуации, нервные срывы, так как они осознают, что не только не

превзошли своих сверстников, но и значительно отстают в развитии основных жизненных навыков.

Анализ жизни семей, где растут и воспитываются дети с дефектами зрения, показывает, что, несмотря на различные позиции, есть нечто общее, характерное во взглядах родителей всех групп: слепые и слабовидящие дети занимают особое положение в семье. Оно проявляется в сентиментальном детоцентризме, который приводит впоследствии к социальной и психической зависимости от окружающих. Но это не вина, а беда родителей детей с тяжелыми зрительными дефектами. Ни мать, ни отец, в своем подавляющем большинстве, не готовятся опытом всей предыдущей жизни к адекватному отношению к слепому ребенку, не знают, как и чему его надо обучать, как с ним общаться. Для них слепой ребенок — «сплошной вопросительный знак».

Зрительный дефект ребенка должен рассматриваться прежде всего как *психолого-педагогическая проблема*. Родители должны знать не только об особенностях физического развития малыша, но и о возможностях *компенсации*, путях стимулирования познавательной, игровой и другой деятельности, о способах общения с братьями, сестрами, сверстниками, окружающими людьми, о необходимости и возможности обучения детей ориентировке *на основе использования сохранных органов чувств*.

И, наконец, хотелось бы напомнить, что люди с ограниченными возможностями живут среди нас. Многие из них при благоприятных условиях могут преодолеть последствия своего дефекта и найти свое место в жизни. При этом они могут рассчитывать на внимательное и гуманное отношение, доброжелательную и действенную помощь со стороны окружающих в компенсации тех трудностей, которые встают на их жизненном пути с момента рождения.

В повести Короленко «Слепой музыкант» мы видим все, что происходит в семье, и особенно переживания матери, с

того момента, когда становится известно, что новорожденный малыш безнадежно слеп. Весь путь принятия, любви, внутренних переживаний мы пройдем вслед за героями, чтобы понять, как им удалось получить наилучший результат.

В.Г. Короленко «Слепой музыкант»

Вопросы для обсуждения:

- 1. Как принимает мать известие о том, что ребенок слепой?*
- 2. Как ей удастся справиться с этим горем?*
- 3. Чем должны руководствоваться близкие люди в воспитании слепого ребенка?*
- 4. Как реализуется принцип активности в освоении слепым ребенком окружающего мира?*
- 5. Как реализуется принцип «зоны ближайшего развития»?*
- 6. Как реализуется принцип постепенности?*
- 7. Как формируется у ребенка внутренняя мотивация к обучению?*
- 8. Как происходит компенсация слепоты другими психическими процессами?*
- 9. Как происходит общение слепого ребенка со сверстниками?*
- 10. Что помогает развитию музыкального таланта?*

В дворянской семье Попельских родился ребенок. Мать, еще находясь в забытии, услышав первый крик ребенка, долго не могла успокоиться. Наконец «юная мать смолкла, и только по временам какое-то тяжелое страдание, которое не могло прорваться наружу движением или словами, выдавливалось из ее глаз крупные слезы. Они просачивались сквозь густые ресницы и тихо катились по бледным, как мрамор, щекам.

Быть может, *сердце матери почувало**, что вместе с новорожденным ребенком явилось на свет темное, неисходное горе, которое нависло над колыбелью, чтобы сопровождать новую жизнь до самой могилы»¹.

Первые странности в поведении ребенка заметила мать, *глубокая связь* между ними возникла с самого начала рождения, а, возможно, и раньше. Ее опасения подтвердились: как установил доктор, *мальчик родился безнадежно слепым*.

«Мать плакала и билась, как подстреленная птица, прижимая ребенка к своей груди, между тем как глаза мальчика глядели все тем же неподвижным и суровым взглядом»².

«Ребенок родился слепым. Кто виноват в его несчастье? Никто! *Тут не только не было и тени чьей-либо «злой воли», но даже самая причина несчастья скрыта где-то в глубине таинственных и сложных процессов жизни*. А между тем при всяком взгляде на слепого мальчика сердце матери сжималось от острой боли. Конечно, она страдала в этом случае, как мать, отражением сыновнего недуга и мрачным предчувствием тяжелого будущего, которое ожидало ее ребенка; но, кроме этих чувств, в глубине сердца молодой женщины щемило также сознание, что причина несчастья лежала в виде грозной возможности в тех, кто дал ему жизнь... Этого было достаточно, чтобы маленькое существо с прекрасными, но незрячими глазами стало центром семьи, *бессознательным деспотом, с малейшей прихотью которого сообразовалось все в доме*.

Неизвестно, что вышло бы со временем из мальчика, предрасположенного *к беспредметной озлобленности* своим несчастьем и в котором все окружающее стремилось *развить эгоизм*, если бы странная судьба и австрийские

¹ Короленко В.Г. Слепой музыкант / Короленко В.Г. Дети подземелья: повести, рассказы и очерки. – Москва, 2013. – С. 83.

*Здесь и далее составитель выделил курсивом моменты, важные для обсуждения.

² Там же, с. 84.

сабли не заставили дядю Максима поселиться в деревне, в семье сестры»³.

Потеряв на полях сражений здоровье, дядя Максим не утратил своего воинственного нрава и острого языка, в чем постоянно убеждались окружающие. «Странная наружность, угрюмо сдвинутые брови, стук костылей и клубы табачного дыма, которыми он постоянно окружал себя, не выпуская изо рта трубки, — все это пугало посторонних, и только близкие к инвалиду люди знали, что в изрубленном теле бьется горячее и доброе сердце, а в большой квадратной голове, покрытой щетиной густых волос, работает неугомонная мысль»⁴. Сначала он не обращал внимания на слепого ребенка, но потом странное сходство судьбы мальчика с его собственной заинтересовало дядю Максима.

В дальнейшем он принимает самое деятельное участие в судьбе Петруся. Он очень хорошо понимает, что жизнь — борьба, и старается внушить своей сестре, почему важно *не изнежить ребенка, а научить его жить в нашем непростом мире*: «У мальчика тонкая нервная организация. У него пока есть все шансы развить остальные свои способности до такой степени, чтобы хотя отчасти вознаградить его слепоту. Но для этого нужно упражнение, а *упражнение вызывается только необходимостью*. Глупая заботливость, устраняющая от него необходимость усилий, убивает в нем все шансы на более полную жизнь.

Мать была умна и потому сумела победить в себе непосредственное побуждение, заставлявшее ее кидаться сломя голову при каждом жалобном крике ребенка. Спустя несколько месяцев после этого разговора мальчик свободно и быстро ползал по комнатам, настораживая слух навстречу всякому звуку, и с какою-то необычною в других детях

³ Там же, с.88.

⁴ Там же, с. 87.

живостью ощупывал всякий предмет, попадавший в руки»⁵.

Мы видим, что Анне Михайловне удалось преодолеть слепое эгоистичное материнское чувство страха, что рабенок может упасть, ушибиться, пораниться. Она была внимательна, но хранила дистанцию, не срывалась с места по первому зову, тем самым давая сыну свободу, поддерживая в нем *желание активно исследовать мир*.

И произошли такие перемены именно благодаря дяде Максиму. Он никогда вслух не жалеет мальчика, тем самым приравнивая его к обычным людям, не давая ему повода усомниться в том, что он может стать счастливым самостоятельно.

Между тем *обнадеживающие перемены происходили постоянно*.

Прежде всего Петрусь научился безошибочно узнавать мать по каким-то одному ему ведомым признакам. Затем так же скоро начал узнавать и всех остальных членов семьи, быстро ощупывая ручонками лицо взявшего его человека. По отношению к незнакомым людям движения становились медленными и внимательными, он как будто «вглядывался» кончиками пальцев.

«Дядя Максим угадал: тонкая и богатая нервная организация мальчика брала свое и *восприимчивостью к ощущениям осязания и слуха как бы стремилась восстановить до известной степени полноту своих восприятий*. Всех удивляла поразительная тонкость его осязания. По временам казалось даже, что он не чужд ощущения цветов; когда ему в руки попадали ярко окрашенные лоскутья, он дольше останавливал на них свои тонкие пальцы, и по лицу его проходило выражение удивительного внимания. Однако со временем стало выясняться все более и более, что *развитие восприимчивости идет главным образом в сторону слуха*»⁶.

⁵ Там же, с. 89 – 90.

⁶ Там же, с. 90 – 91.

«Мир, сверкавший, двигавшийся и звучащий вокруг, в маленькую головку слепого проникал главным образом в форме звуков, и в эти формы отливались его представления. На лице застывало особенное внимание к звукам: нижняя челюсть слегка оттягивалась вперед на тонкой и удлинившейся шее. Брови приобретали особенную подвижность, а красивые, но неподвижные глаза придавали лицу слепого какой-то суровый и вместе с тем трогательный отпечаток»⁷.

Такое особое выражение лица характерно для всех слепых, и этим они становятся похожи.

Вот уже *третья зима жизни* мальчика подходила к концу. Для него весна врывалась в комнату только своим торопливым шумом. Он слышал, как бегут потоки весенней воды, как стучат тысячью звонких ударов капли, проносятся с далекой высоты окрики журавлей.

«На лице мальчика это оживление природы сказывалось болезненным недоумением. Он с усилием сдвигал свои брови, вытягивал шею, прислушивался и затем, как будто встревоженный непонятною суетой звуков, вдруг протягивал руки, разыскивая мать, и кидался к ней, крепко прижимаясь к ее груди.

— Что это с ним? — спрашивала мать себя и других»⁸. Она всегда была *очень внимательна к сыну и замечала все, что с ним происходит*. Мы видим, как важно близким людям вовремя подмечать перемены в развитии ребенка и не останавливаться на достигнутом, а *ставит новые, посильные для него задачи*, необходимые для развития.

Чтобы мальчик почувствовал пробуждение природы, мать и дядя пошли с ним гулять на берег реки. Взрослые, поглощенные прекрасными весенними видами, отвлеклись и не заметили волнения мальчика, который *не смог справиться с обилием новых впечатлений*. «Не окрепшее

⁷ Там же, с. 91.

⁸ Там же, с. 92.

еще и переполненное новыми ощущениями сознание начинало изнемогать: оно еще боролось с нахлынувшими со всех сторон впечатлениями, стремясь устоять среди них, слить их в одно целое и таким образом овладеть ими, победить их. Но задача была не по силам темному мозгу ребенка, которому не доставало для этой работы зрительных представлений»⁹.

Петрусь потерял сознание и пролежал несколько дней в бреду. Взрослые были чрезвычайно обеспокоены и не знали, как себя вести, чтобы этого больше не повторилось.

Особенно основательно подошел к этому дядя Максим. «С некоторых пор он стал выписывать книги по физиологии, психологии и педагогике и с обычной своей энергией занялся изучением всего, что дает наука по отношению к таинственному росту и развитию детской души»¹⁰. Он сделал вывод, что к выздоравливающему мальчику нужно *допускать впечатления постепенно и помогать их осмысливать*.

«И каждый раз, как на лице слепого являлось тревожное выражение, *мать объясняла ему поражавшие его звуки*.

— Рожок пастуха слышен за лесом, — говорила она. — А это из-за щебетания воробьиной стаи слышен голос малиновки. Аист клекочет на своем колесе. Он прилетел на днях из далеких краев и строит гнездо на старом месте»¹¹.

И мальчик поворачивал к ней свое лицо, светившееся благодарностью, брал ее руку и кивал головой, продолжая прислушиваться с вдумчивым и осмысленным вниманием. Оказывается, *постепенность* тоже очень важна в развитии ребенка. Если поторопиться и сделать слишком большой шаг в развитии, форсировать его, нервная система может не выдержать.

⁹ Там же, с. 97.

¹⁰ Там же, с. 98.

¹¹ Там же, с. 99.

«Он начинал расспрашивать обо всем, что привлекало его внимание, и мать или, еще чаще, дядя Максим рассказывали ему о разных предметах и существах, издававших те или другие звуки. Рассказы матери, *более живые и яркие*, производили на мальчика большее впечатление, но по временам *впечатление это бывало слишком болезненно*. Молодая женщина, страдая сама, с растроганным лицом, с глазами, глядевшими с беспомощною жалобой и болью, старалась дать своему ребенку понятие о формах и цветах. Мальчик напрягал внимание, сдвигал брови, на лбу его являлись даже легкие морщинки. Видимо, *детская головка работала над непосильною задачей, темное воображение билось, стремясь создать из косвенных данных новое представление*, но из этого ничего не выходило»¹².

Дядя Максим ограничивался только пространственными и звуковыми представлениями, что было гораздо проще понять. Но все же образные рассказы матери привлекали сильнее, она тоньше чувствовала душу сына и всячески пыталась найти нужные слова, чтобы как можно точнее передать происходящее.

Дядя Максим, не жалея терпения и сил, развивал присущие мальчику задатки и видел свое призвание в том, чтобы вместо себя поставить в ряды бойцов за дело жизни «нового рекрута», на которого, без его влияния, никто не мог рассчитывать.

«Темная голова ребенка обогащалась новыми представлениями; посредством *сильно изоциренного слуха* он проникал все дальше в окружающую его природу. Над ним и вокруг него по-прежнему стоял глубокий, непроницаемый мрак; мрак этот навис над его мозгом тяжелою тучей, и хотя он залег над ним со дня рождения, хотя, по-видимому, мальчик должен был свыкнуться с своим несчастьем,

¹² Там же, с. 100.

однако детская природа по какому-то инстинкту беспрестанно силилась освободиться от темной завесы. Эти не оставлявшие ребенка ни на минуту *бессознательные порывы к незнакомому ему свету* отпечатлевались на его лице все глубже и глубже *выражением смутного страдающего усилия»*¹³.

Благодаря усилиям взрослых, которые все время были рядом, но *не для того, чтобы ограничивать, а наоборот, чтобы помогать*, Петрусь все больше постигал новые впечатления и явления невидимого мира. Звуки были для него главным непосредственным выражением внешнего мира; остальные впечатления служили только дополнением к впечатлениям слуха, в которые отливались его представления, как в формы.

«Ему шел уже пятый год. Он был тонок и слаб, но ходил и даже бегал свободно по всему дому. Кто смотрел на него, как он уверенно выступал в комнатах, поворачивая именно там, где надо, и свободно разыскивая нужные ему предметы, тот мог бы подумать, если это был незнакомый человек, что перед ним не слепой, а только странно сосредоточенный ребенок с задумчивыми и глядевшими в неопределенную даль глазами. Но уже по двору он ходил с большим трудом, постукивая перед собой палкой. Если же в руках у него не было палки, то он предпочитал ползать по земле, быстро исследуя руками попадавшиеся на пути предметы»¹⁴.

Именно в этом возрасте Петрусь впервые заинтересовался музыкой.

Однажды, уже засыпая, мальчик услышал необычные звуки, которые стали повторяться по вечерам. Они, «слившись в одну стройную гармонию, тихо влетают в окно и долго кружатся над его постелью, навевая неопределенные, но удивительно приятные грезы. Наутро

¹³ Там же, с. 101

¹⁴ Там же, с. 102-103.

он просыпался разнеженный»¹⁵. Мать поначалу решила, что это сонные грезы. Но оказалось – это конюх Иохим играет на свирели, именно его нехитрая задушевная мелодия так растрогала ее любимого Петруся. Мальчик подружился с Иохимом и стал каждый вечер приходить в конюшню.

«Эти часы стали теперь для мальчика самым счастливым временем, и мать с жгучею ревностью видела, что вечерние впечатления владеют ребенком даже в течение следующего дня, что даже на ее ласки он не отвечает с прежнею безраздельностью, что, сидя у нее на руках и обнимая ее, он с задумчивым видом вспоминает вчерашнюю песню Иохима»¹⁶.

Маленький Петр жаждал научиться играть самостоятельно. Иохим помогал ему овладеть немудреным инструментом. Мальчик, затаив дыхание, брал дудочку дрожащими руками, «при этом каждая нота имела для него как бы свою особенную физиономию, свой индивидуальный характер; он знал уже, в каком отверстии живет каждый из этих тонов, откуда его нужно выпустить»¹⁷.

Мать, желая сильнее привлечь к себе маленькое сердце своего сына, увлеченного хохлацкой дудкой, выписала из города пианино, венский инструмент лучшего мастера, и вспомнила свои уроки игры на нем. Но трудно было иностранному пришельцу бороться с простой местной дудкой, потому что она явилась слепому мальчику в тихий час дремоты, среди таинственного вечернего шороха, под шелест засыпавших буков, в сопровождении всей родственной украинской природы. Да и пани Попельской далеко было до Иохима.

«Бедная мать! Слепота ее ребенка стала и ее вечным, неизлечимым недугом. Он сказался и в болезненно-

¹⁵ Там же, с. 104.

¹⁶ Там же, с. 109.

¹⁷ Там же, с. 112.

преувеличенной нежности, и в этом всю ее поглотившем чувстве, связавшем тысячью невидимых струн ее изболевшее сердце с каждым проявлением детского страдания. По этой причине то, что в другой вызвало бы только досаду, — это странное соперничество с хохлом-дударем, — стало для нее источником сильнейших, преувеличенно-жгучих страданий»¹⁸.

Но как ни тяжело это было, мать все-таки примирилась с тем, что игра Иохима на самом деле замечательна, потому что идет от сердца, и именно это нравится ее сыну. Тогда в ней ожила и надежда. *Горячая любовь матери и чуткое понимание* того, что именно захватывало так сильно сердце ребенка, дали ей самой возможность научиться открывать душу в музыке, в тех произведениях, которые она играла.

Мы видим, как важно отстаивать свою правоту, не запрещая, а *понимая и присоединяясь к ребенку*. Этот путь требует многих сил и большого терпения, но дает надежные результаты. Мать выдержала это состязание, мальчик заинтересовался игрой на пианино и захотел научиться играть на нем.

«Протянув издали руки, он коснулся полированной поверхности инструмента и тотчас же робко отодвинулся. Повторив раза два этот опыт, он подошел поближе и стал внимательно исследовать инструмент, наклоняясь до земли, чтобы ощупать ножки, обходя кругом по свободным сторонам. Наконец его рука попала на гладкие клавиши.

Тихий звук струны неуверенно дрогнул в воздухе. Мальчик долго прислушивался к исчезнувшим уже для слуха матери вибрациям и затем, с выражением полного внимания, тронул другую клавишу. Проведя после этого рукой по всей клавиатуре, он попал на ноту верхнего регистра. Каждому тону он давал достаточно времени, и

¹⁸ Там же, с. 116.

они один за другим, колыхаясь, дрожали и замирали в воздухе. *Лицо слепого, вместе с напряженным вниманием, выражало удовольствие; он, видимо, любовался каждым отдельным тоном, и уже в этой чуткой внимательности к элементарным звукам, составным частям будущей мелодии, сказывались задатки артиста»¹⁹.*

Мать, затаив дыхание, наблюдала за сыном и была несказанно рада, что знакомство с инструментом наконец состоялось, и теперь ее мальчик может получить от нее целые сокровища новых впечатлений. *Их общение поднялось на новый уровень, кроме взаимной любви их соединяла общая цель – обучение музыке.*

Между тем Петруше шел шестой год.

«Для своего возраста он был высок и строен; лицо его было несколько бледно, черты тонки и выразительны. Черные волосы оттеняли еще более белизну лица, а большие темные, малоподвижные глаза придавали ему своеобразное выражение, как-то сразу приковывавшее внимание. Легкая складка над бровями, привычка несколько подаваться головой вперед и выражение грусти, по временам пробегавшее какими-то облаками по красивому лицу, — это все, чем сказалась слепота в его наружности»²⁰.

Благодаря режиму, который был заведен по плану дяди Максима, *слепой во всем, где это было возможно, был предоставлен собственным усилиям, и это принесло самые лучшие результаты.* «В доме он не казался вовсе беспомощным, ходил всюду очень уверенно, сам убирал свою комнату, держал в известном порядке свои игрушки и вещи. Кроме того, насколько это было ему доступно, Максим обращал внимание на физические упражнения: у мальчика была своя гимнастика, а на шестом году Максим подарил племяннику небольшую и смирную лошадку. *Мать сначала не могла себе представить, чтоб ее слепой*

¹⁹ Там же, с. 119.

²⁰ Там же, с. 125.

ребенок мог ездить верхом, и она называла затею брата чистым безумием. Но инвалид пустил в дело все свое влияние, и через два-три месяца мальчик весело скакал в седле рядом с Иохимом, который командовал только на поворотах»²¹.

Мы видим, что и здесь матери удалось преодолеть свой извечный страх за ребенка и сделать шаг в пользу его самостоятельности и уверенности в себе.

И, вместе с тем, обучение музыке шло полным ходом.

«Теперь впечатления слуха окончательно получили в жизни слепого преобладающее значение, звуковые формы стали главными формами его мысли, центром умственной работы». Он запоминал песни, ловил голоса окружающей природы и, сливая смутные ощущения с привычными родными мотивами, по временам умел обобщить их свободной импровизацией. Он и сам не мог отделить в своих песнях этих двух элементов: так цельно слились в нем они оба. Он быстро заучивал все, что передавала ему мать, учившая его игре на фортепиано, но любил также и Иохимову дудку»²².

Это увлечение музыкой стало центром его умственного роста; оно заполняло и разнообразило его существование. Заинтересованный песней, он знакомился с ее героями, с их судьбой, с судьбой своей родины. Отсюда начался интерес к литературе, и на девятом году дядя Максим (которому пришлось изучить для этого специальные приемы обучения слепых) приступил к первым урокам. Его умелые уроки очень нравились мальчику. Они «вносили в его настроение новый элемент — определенность и ясность, уравновешивавшие смутные ощущения музыки».

Обратим внимание, что в жизни мальчика все происходит вовремя. Его терпеливые учителя не форсируют события и дожидаются не только физиологических

²¹ Там же, с. 125.

²² Там же, с. 126.

предпосылок для обучения, но и *возникновения внутренней потребности, желания и интереса* со стороны самого мальчика.

Взрослые также пытаются пополнить и недостаток детского общества. В усадьбу приглашают деревенских ребят, чтобы Петрусь мог играть с ними. Но ничего не получается. Они дичатся слепого мальчика, «панича», он же как-то остается в стороне и только грустно прислушивается к веселой возне товарищей.

Но все-таки Петруше повезло и *в дружбе*. Он знакомится с Эвелиной, дочерью соседских помещиков, своей ровесницей. Это происходит, когда он один сидит на утесе над рекой, играет на дудочке, и девочка приходит на звуки музыки. Разговорившись с ним, она еще не знает о его слепоте. Петрусь, желая познакомиться со своею собеседницей, делает это привычным для него способом. «...взяв левою рукою девочку за плечо, он правой стал ощупывать ее волосы, потом веки и быстро пробежал пальцами по лицу, кое-где останавливаясь и внимательно изучая незнакомые черты.

Все это было сделано так неожиданно и быстро, что девочка, пораженная удивлением, не могла сказать ни слова; она только глядела на него широко открытыми глазами, в которых отражалось чувство, близкое к ужасу. Только теперь она заметила, что в лице ее нового знакомого есть что-то необычайное. Бледные и тонкие черты застыли на выражении напряженного внимания, как-то не гармонировавшего с его неподвижным взглядом. Глаза мальчика глядели куда-то, без всякого отношения к тому, что он делал, и в них странно переливался отблеск закатывавшегося солнца. Все это показалось девочке на одну минуту просто тяжелым кошмаром.

Высвободив свое плечо из руки мальчика, она вдруг вскочила на ноги и заплакала.

— Зачем ты пугаешь меня, гадкий мальчишка? —

заговорила она гневно, сквозь слезы. — Что я тебе сделала?.. Зачем?..

Он сидел на том же месте, озадаченный, с низко опущенною головой, и странное чувство — смесь досады и унижения — наполнило болью его сердце. *В первый раз еще пришлось ему испытать унижение калеки; в первый раз узнал он, что его физический недостаток может внушать не одно сожаление, но и испуг.* Конечно, он не мог отдать себе ясного отчета в угнетавшем его тяжелом чувстве, но оттого, что сознание это было неясно и смутно, оно доставляло не меньше страдания.

Чувство жгучей боли и обиды подступило к его горлу; он упал на траву и заплакал»²³.

Узнав, что мальчик слепой, «пораженная внезапно печального открытия, маленькая женщина не удержалась на высоте своей солидности, и, превратившись вдруг в огорченного и беспомощного в своем огорчении ребенка, она, в свою очередь, горько и неутешно заплакала»²⁴.

«— Мне жалко... — все еще всхлипывая, вымолвила наконец девочка в объяснение своей слабости.

Потом, несколько овладев собой, она сделала попытку перевести разговор на посторонний предмет, к которому они оба могли отнестись равнодушно.

— Солнышко село, — произнесла она задумчиво.

— Я не знаю, какое оно, — был печальный ответ. — Я его только... чувствую...

— Не знаешь солнышка?

— Да.

— А... а свою маму... тоже не знаешь?

— Мать знаю. Я всегда издалека узнаю ее походку.

— Да, да, это правда. И я с закрытыми глазами узнаю свою мать»²⁵.

²³ Там же, с. 135.

²⁴ Там же, с. 137.

²⁵ Там же, с. 137 – 138.

Так происходит их первое знакомство. Благодаря Эвелине, Петрусь получает обратную связь с миром, информацию о себе глазами другого человека, с ним не знакомого. До этого в его жизни были только близкие люди, относящиеся к нему снисходительно и оберегающие от излишних потрясений. Он смог посмотреть на свою ущербность со стороны. Это ценное приобретение, поскольку открывает объективную картину, как бы ни было больно. И это первая острая боль, которую он испытал в столкновении с миром.

Петр и Эвелина становятся друзьями. Они вместе берут уроки у дяди Максима. Дети взрослеют, а дружба их становится все крепче и перерастает в любовь. В дальнейшем они создают семью, рождается сын, совершенно здоровый ребенок. Но перед этим они проходят через многие испытания, которые позволяют проверить свои чувства и найти смысл своей жизни. Петр становится известен своим музыкальным талантом. На концерте в Киеве собирается многочисленная публика слушать слепого музыканта, о судьбе которого уже ходят легенды.

Мы подробно остановились на первых десяти годах жизни слепого ребенка, чтобы понять, как нужно строить отношения с ним, стремясь воспитать полноценного человека. Повесть «Слепой музыкант» дает нам возможность наблюдать этот процесс в талантливом изложении неравнодушного автора.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Слепой ребенок / Л.С. Выготский
Собрание сочинений в 6-ти т.: Т. 5: Основы
дефектологии. – Москва, 1983. – С. 86 – 100.
2. Короленко В.Г. Слепой музыкант / В.Г. Короленко
Дети подземелья: повести, рассказы и очерки. –
Москва, 2013. – С. 81 – 238.
3. Солнцева Л.И. Советы родителям по воспитанию
слепых детей раннего возраста / Л.И. Солнцева,
С.М. Хорош. – Москва: ИКП РАО, 2003. – 87 с.

Пространство ребенка
и его место в пространстве семьи

Часть 3

Я не вижу солнце

Методические рекомендации для
проведения занятий с молодыми родителями

составитель Н.Г. Хрусталева
ответственный за выпуск Н.Н. Щепеткова

тираж 50 экземпляров

отпечатано в ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека
им. А.А. Суркова»
150048, г. Ярославль, Московский проспект, 147